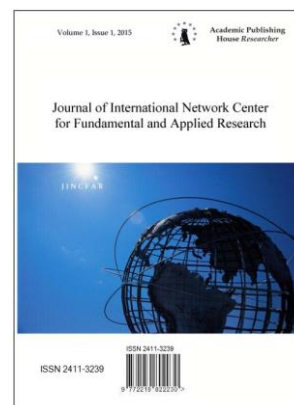

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 9, Is. 3, pp. 139-146, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.139
www.ejournal36.com

UDC 93/94

«Circassian Question»: Past in Present

Amiran T. Urushadze ^a

^a Institute of Social-Economic and Humanities Researches Southern Scientific Centre Russian Academy of Sciences, South Federal University, Russian Federation
E-mail: urushadze85@mail.ru

Abstract

The article considers a complex of various socio-political problems in the North Caucasus, combine category «Circassian question». It is shown that various elements of the «Circassian question» have objectively-historical causality. The article prepared on the basis of a series of expert interviews conducted by the author in Kabardino-Balkar Republic in 2012–2014. The discussion around the «Circassian question» affect fundamental problems of nation-building and administrative-territorial reform of all North Caucasus. The concept of creating a single Circassian Republic can be considered as part of the «Circassian question» and as a separate socio-political issue, with objective historical reasons. In other words, the «Circassian question» includes components that have their own history of formation and development logic. The resolution of these issues, in particular issues of nation-building, can take place independently as long overdue. The greatest danger fraught with precisely the marginalization of numerous contradictions. This leads to the preservation of inter-ethnic problems and fuels the conflict potential in the region.

Keywords: «Circassian question», nation-building in the North Caucasus, historical memory, Caucasian war.

Введение

После проведения Олимпиады 2014 г. в Сочи, интерес к комплексу проблем, объединенных понятием «черкесский вопрос», со стороны политических обозревателей и экспертов стал стремительно ослабевать. События в Украине, а затем и в Сирии заняли место основных тем российского общественно-политического дискурса, сильно потеснив внутрироссийские проблемы и противоречия политического развития. Это касается и «черкесского вопроса», потерявшего место в информационном потоке и оказавшегося на обочине общественного внимания.

Несмотря на активное обсуждение «черкесского вопроса» на протяжении уже нескольких лет до сих пор отсутствует определенность в содержании этой проблемы, определении ее составных частей и элементов. О.М. Цветков в одной из своих работ, посвященных «черкесскому вопросу», предлагает понимать под ним «актуальные для адыгских (т.е., адыгейских, кабардинских и черкесских) этнических активистов проблемы, которые в форме политически окрашенных требований активно транслируются ими в

публичное социально-политическое пространство и находят сочувствие и отклик в адыгской этнической среде» (Цветков, 2011: 74–92).

Авторы итогового отчета исследовательского проекта «"Черкесский вопрос": национальное движение в современной России», выполненного НП «Кавказское сотрудничество», рассматривают актуализацию «черкесского вопроса» в контексте развития черкесского национального движения. В частности эксперты отмечают, что «в Кабардино-Балкарии "черкесский вопрос" оказывается тесно связан с противостоянием между кабардинской и балкарской общинами республики. В Карачаево-Черкесии он служит инструментом продвижения интересов и озабоченностей черкесского меньшинства» («Черкесский вопрос»: национальное движение в современной России. Личный архив автора).

Наряду с подобными профессиональными оценками, основанными на социологических замерах и сборе обширного полевого материала, в сети Интернет, в недрах блогосферы в изобилии можно встретить иные версии основного содержания «черкесского вопроса».

Содержательные структуры «черкесского вопроса» формируются во многом произвольно, включение и исключение различных аспектов темы происходит под влиянием текущей конъюнктуры или диктуется оттенками профессиональной специализации публицистов, ученых, экспертов. Такое противоречивое развитие дискуссии по «черкесскому вопросу» стало возможным ввиду того, что обсуждение так и не покинуло область остроактуальной и политизированной полемики.

Экспертным сообществом отмечается, что для полноценного выхода «черкесского вопроса» на качественно иной уровень дискуссии необходимо не только определение самого понятия и его составляющих, но и выделение отличительных черт «черкесского вопроса» в ряду до известной степени схожих проблем, в частности армянской и еврейской (Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью с Р.Г. Ошроевым).

Невозможно отрицать ведущую роль узкого круга адыгских общественных лидеров в политизированной актуализации «черкесского вопроса». Едва ли не основной площадкой для его обсуждения стал Центр черкесской культуры в Тбилиси, которым был организован ряд конференций на тему истории грузино-черкесских этнокультурных связей. Большой резонанс имела научно-практическая конференция «Сокрытые нации, делящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», которая была организована Jamestown Foundation и прошла в Тбилиси 20–21 марта 2010 г. Несмотря на эти особенности репрезентации в информационном пространстве, «черкесский вопрос» невозможно считать только лишь идеологическим конструктом. В его основе лежат различные исторические обстоятельства, связанные с процессом инкорпорации Северного Кавказа в состав Российской империи и национальной политикой советской власти. Это то актуальное прошлое, которое продолжает присутствовать в настоящем. С исторической точки зрения «черкесский вопрос» и некоторые другие пересекающиеся с ним политико-общественные проблемы современного Северного Кавказа представляют собой сложный конгломерат ментальных травм, политизация которых может привести к серьезным потрясениям. В статье представлен краткий обзор генезиса объективной стороны «черкесского вопроса».

Материалы

Источниковой базой исследования послужил ряд интервью с историками, политологами и общественными деятелями Кабардино-Балкарской Республики, проведенные в этом северокавказском регионе в 2012–2014 гг.

Обсуждение и результаты

Современный этап развития национальных движений на Северном Кавказе был бы невозможен без ослабления партийно-идеологического контроля на излете истории СССР, а затем и полного демонтажа советской системы. Старая партийно-номенклатурная элита уступала свои позиции представителям национальной научной и художественной интеллигенции, а в других случаях военным. На этой волне в регионе одновременно начали

реализовываться множество конкурирующих между собой просветительско-возрожденческих проектов, среди которых можно выделить и черкесский (адыгский). В ходе общественных дискуссий активно обсуждалась проблема перехода к новому постсоветскому этапу национально-государственного строительства на Северном Кавказе. При этом значительная часть адыгской общественности и политической элиты долгое время занимала консервативные позиции в этом вопросе. Впервые о необходимости изменения административно-территориальных границ края в интересах полноценного развития адыгоязычного населения было заявлено на I съезде причерноморских адыгов 1 декабря 1990 г. Здесь было провозглашено создание Шапсугского национального района в составе РСФСР и в границах традиционного расселения шапсугов от пос. Головинка Лазаревского района до пос. Новомихайловского Туапсинского района (Хлынина, 2013: 110).

Уже на II съезде причерноморских адыгов (30 ноября – 1 декабря 1991 г.) его участники обсуждали идею создания Великой Шапсугии от Сочи до Анапы. Прозвучавшие здесь выступления стали основой для формирования концепции восстановления Великой Черкесии, которая должна была включать в свой состав три адыгские республики, южные районы Краснодарского и Ставропольского краев. Если адыгская интеллектуальная элита ограничивалась требованиями и провозглашала намерения, то представители других северокавказских народов зачастую отстаивали право на самоопределение более последовательно и решительно.

Так, ввиду затянувшегося процесса восстановления четырех балкарских районов, упраздненных в период депортации балкарцев, уже 17 ноября 1991 г. на Съезде балкарского народа, который объединил представителей общественных организаций и балкарских поселений – было объявлено о создании Республики Балкария в составе РСФСР. В качестве высшего органа власти балкарского народа был избран Национальный Совет во главе с Председателем Б.К. Чабдаровым. Интересно, что на состоявшейся 19 ноября 1991 г. Чрезвычайной сессии Верховного Совета КБССР депутаты и представители общественных организаций отнеслись к провозглашению Балкарии благожелательно и почти единодушно поддержали своих соседей. Но вскоре в Кабардино-Балкарии началось становление фактически авторитарного или по другой терминологии «неосултанистского» (Дерлугьян, 2010: 74) режима власти президента В.М. Кокова. Заручившись поддержкой федерального центра, республиканская администрация заявила о принципиальной невозможности изменения конфигурации КБР. В преодолении центробежных тенденций большую роль сыграл Временный координационный совет Движения за сохранение единой Кабардино-Балкарии, в который вошли авторитетные представители власти и общественности: Г.С. Губин, М.И. Докшонов и М.Ч. Залиханов (ПМА. Интервью с N).

Стабилизировав положение в КБР В.М. Коков, нейтрализовал общественные организации республики. Спаду общественной активности в Кабардино-Балкарии в еще большей степени, чем установление новых патронажных сетей способствовало катастрофическое падение уровня жизни населения. В этих условиях быстро нарастала не только общественно-политическая, но этнокультурная апатия адыгского этноса, в конечном счете, выразившаяся в кризисе этнической идентичности адыгов (Кажаров, 2012). На V съезде шапсугов (30 марта–1 апреля 2002 г.) требование создания Шапсугского национального района было снято. Показательно, что основными темами собрания стали экологические проблемы и вопросы, связанные с благоустройством адыгских аулов.

Возвращение к активному общественному обсуждению идеи создания/восстановления Черкесии было отмечено на Чрезвычайном съезде черкесского народа, который проходил в Черкесске 23 ноября 2008 г. В ходе мероприятия делегаты молодежного съезда озвучили предложение по созданию единой Черкесской Республики в составе РФ, путем административно-территориального укрупнения.

Представляется, что в основе периодически звучащих требований о создании единой Черкесии лежит, в том числе и ряд объективно-исторических факторов.

Наиболее острой стороной «черкесского вопроса» является проблема геноцида адыгов, который связывают с событиями Кавказской войны и трагедией мухаджирства (Касумов, Касумов, 1992: 9). В «Обращении к народам Кавказа» (18 мая 1994 г.) президента России Б.Н. Ельцина было отмечено, что события Кавказской войны были «мужественной борьбой народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение

самобытной культуры, лучших черт национального характера» (Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа, 1994). В документе заявлялось: «Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий» (Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа, 1994).

Но «Обращение» не стало основой государственной исторической политики. Б.Н. Ельцин стал первым и пока последним российским президентом, публично оценившим сущность событий Кавказской войны и выселения горцев. Региональные российские власти в Краснодарском и Ставропольском краях уже с начала 2000-х гг. реализуют совершенно иную программу в сфере исторической политики. В 2003 г. в пос. Лазаревское был восстановлен памятник адмиралу М.П. Лазареву, который в годы Кавказской войны участвовал в блокаде Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа. Открытие памятника состоялось несмотря на протесты местного адыгского населения. В 2008 г. в Минеральных Водах был установлен памятник генералу А.П. Ермолову – одной из самых спорных фигур в истории Кавказской войны. В 2010 г. в Пятигорске был торжественно открыт еще один памятник А.П. Ермолову. Установление памятников А.П. Ермолову проходило при активном участии казачьих организаций Северного Кавказа, а пятигорский монумент, по мысли его создателей, символизирует объединение всех казаков края.

Перечисленные памятники воспринимаются адыгским населением Северного Кавказа как символы российского покорения, завоевания. Одновременно с победой идеи державности в дискурсе региональных властей и стремительном символическом превращении Краснодарского края в «край казачий» произошла радикализация настроений и требований адыгской общественности. И это тоже отразилось в установлении памятников. В 2012 г. на территории Грузии в пос. Анаклия был открыт «Мемориал памяти жертв геноцида Черкесов (Адыгов)». В церемонии открытия принимали участия черкесские делегации со всего мира, в том числе и российского Северного Кавказа. Отвечая на вопрос «Что вы понимаете под геноцидом черкесов?» – автор мемориала, черкесский скульптор из КБР Х. Кочесоков ответил: «Черкесия была большой страной. А сейчас ее нет. Это и есть геноцид» (Кочесоков, 2012). Таким образом, геноцид черкесов оказывается гибелью единой Черкесии, историческое существование которой является одним из мотивов в требованиях создания в границах России Черкесской Республики.

Ежегодно 21 мая в Нальчике, Майкопе и Черкесске проходят траурные мероприятия в память о погибших в годы Кавказской войны. В «адыгских» регионах это один из наиболее значимых памятных дней. В официальной газете Парламента и Правительства КБР – «Кабардино-Балкарская правда» в номере от 21 мая 2014 г., почти целиком посвященном 150-летию окончания Кавказской войны, была опубликована статья главы общественной организации «Адыге Хасэ» КБР М.М. Хафицэ «История необратима». В ней автор отмечает, что «историческая память о минувших трагических днях по-прежнему жива, рана, нанесенная войной, еще не зажила, ибо ее последствия по настоящее время испытывают современные кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги. Над ними как дамоклов меч висит непреходящее чувство моральной ущемленности, исторической несправедливости и обиды, так как продолжается политика замалчивания суровой правды о Кавказской войне, о трагедии, постигшей адыгский этнос» (Хафицэ, 2014: 2). День памяти жертв Кавказской войны является частью только регионального памятного календаря. В этой связи историк О.А. Жанситов заметил: «Игнорирование этих мероприятий федеральным центром придает им как бы местечковый характер, понижает статус и значимость» (Жанситов, 2013: 96). В этих условиях установление памятников А.П. Ермолову в городах Северного Кавказа воспринимается адыгами особенно болезненно. Память о Кавказской войне воспроизводится на Северном Кавказе в виде различных и конкурирующих версий прошлого. Это символическое противостояние придает проблеме геноцида адыгов перманентный характер, сохраняет возможность этнической мобилизации на основе не преодоленной травмы исторической памяти.

В современных условиях развития антропогенной цивилизации и тотальных глобализационных процессов мы продолжаем сталкиваться с «этническим парадоксом современности», смысл которого заключается в живучести этноса. В случае адыгов эта живучесть проявляется в спорадически наблюдаемой единой идентификации. Далее

процитируем фрагмент одного из экспертных интервью: «Если спросить на русском языке, то исходя из влияния спрашивающего, человек может назвать себя кабардинцем, но если этот вопрос будет задан соплеменником на адыгском, непременно последует ответ: “Я адыг”. На это часто не обращают внимание. Но определение собственной идентичности очень часто носит ситуативный характер и зависит от конкретных обстоятельств» (ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым). В дополнение приведем еще одну экспертную оценку степени универсальности/дискретности общеадыгской идентичности: «Вообще, каждый решает для себя этот вопрос индивидуально. Для кого-то это важный компонент повседневной жизни, а для кого-то пустой звук» (ПМА. Интервью с А.Н. Таковой).

Идея адыгского единства это не просто пиар общественных лидеров и публицистов. Чувство этнической солидарности фиксируется и в повседневной жизни части населения «адыгских» регионов Северного Кавказа. Советский эксперимент по формированию отдельных идентичностей (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) взамен общеадыгской был прерван и не завершился. Этим объясняется масштабный кризис идентичности, переживаемый адыгами в постсоветский период, о котором В.Х. Кажаров писал как об «этнической смерти» (Кажаров, 2012: 61). Но очевидно, что какими бы смутными не были общественные представления об общей родине адыгов, их этнокультурном единстве – они сохраняются, являясь одной из причин периодической актуализации идеи Великой Черкесии. Возвращение к модели Великой Черкесии как общего дома адыгов полностью соответствует определению главной движущей силы национализмов, которое представлено в известной работе Э. Кедури «Национализм»: «Говоря простым языком, речь идет о желании жить вместе тесной и единой общиной» (Кедури, 2010: 29).

Советская национальная политика выстраивалась на основе двух принципов – марксизм и модернизация (Мартин, 2011: 14–17). Первый из означенных принципов предполагал, что национальная идеология это опасное оружие в руках буржуазии, которая прикрываясь национальной фразеологией способна сформировать надклассовый альянс с пролетарскими слоями общества. Буржуазия и дворянство, по мнению лидеров большевиков, могут использовать национализм в качестве маскировки своих узкоклассовых интересов. Дабы не допустить формирования надклассового альянса В.И. Ленин и И.В. Сталин последовательно во внутрипартийных дискуссиях отстаивали необходимость лозунга о праве наций на самоопределение. Этот лозунг был тем самым инструментом, который обеспечивал профилактику «поползновений контрреволюционных элементов» к складыванию надклассового альянса.

Для лидеров первого советского правительства стала большой неожиданностью популярность национальных идей и национализма, которая проявилась повсеместно на окраинах рухнувшей Российской империи. Национализм был признан объективной исторической реальностью, с которой необходимо было считаться. Развитие национализма согласно теоретическим построениям советских лидеров являлось неизбежным этапом исторического пути. Такое допущение мотива национального в социальную жизнь и социальные отношения привело большевиков к выводу о необходимости содействия развитию всех оттенков национального в советском государстве. Содействовать скорейшему развитию национального должна была политика комплексной модернизации. Помогая национализму развиваться, большевики надеялись, что достигнув своего полного расцвета, это явление естественным образом себя исчерпает, пойдет на спад и, в конце концов, отомрет.

Известный исследователь Т. Мартин выделил четыре формы существования нации в советском государстве: территория, элита, культура, язык. Развитие указанных форм национального составляло основное содержание советского нацистроительства.

Сложившаяся в советский период на Северном Кавказе негласная система национального паритета в органах местной власти в значительной степени исчерпала свой потенциал. Более того, можно сказать, что дальнейшее воспроизводство на Кавказе неформального «ливанского протокола» таит в себе едва ли не больше угроз, чем отказ от него. И в Карачаево-Черкесии и в Кабардино-Балкарии представители «вторых» титульных наций продолжают высказывать резкое неприятие законсервированной системой национального паритета, в то время как этническое большинство республик видят в сохранении этой системы залог стабильного развития. При этом часто указывается на то,

что представители черкесов в органах власти КЧР или балкарцев во властных структурах КБР не имеют абсолютно никакого влияния на принятие важных решений, касающихся политической, социально-экономической жизни республик. Для иллюстрации данного тезиса обратимся к материалам интервью: «Балкарцы обращались к “своим” во власти и по вопросу о межселенных территориях, но эти личности заявляли, что ничем помочь не могут и ничего не решают. Система отбирает тех, кто готов сотрудничать, отбирает лояльных. К балкарским депутатам в парламенте и к спикеру парламента население относится как к марионеткам. Они должны играть там свою роль, и они ее играют. Вот и все, к сожалению» (ПМА. Интервью с N). С зеркальной точностью такое же положение дел наблюдается в КЧР.

Несмотря на объективный характер описанных проблем, пока они не имеют ведущей или даже значимой роли в жизни широких слоев адыгского или балкарского населения региона. Их обсуждение не выходит за рамки довольно узкой прослойки общественных активистов и интеллектуалов. В этой связи необходимо отметить абсурдность убеждений о деятельности адыгских общественных организаций как об угрозе российскому суверенитету на Северном Кавказе. Наиболее красноречиво это было выражено одним из наших собеседников: «Население и понятия не имеет о существовании данной организации (Международная черкесская ассоциация – А.У.), о ее лидерах, о местонахождении офиса структуры, не говоря уже о целях и задачах общественной организации» (ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым). И далее: «...данные организации не имеют ни достаточных ресурсов, ни тем более достаточного числа сторонников. И в перспективе это исключено» (ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым). Угрозу российскому суверенитету на Северном Кавказе следует искать не в деятельности общественных организаций, а в изъянах и противоречиях региональной и федеральной политики.

Заключение

Дискуссии вокруг «черкесского вопроса» затрагивают фундаментальные проблемы национально-государственного строительства и административно-территориального реформирования всего, а не только адыгоязычного Северного Кавказа. Концепции создания единой Черкесской Республики можно рассматривать и как часть «черкесского вопроса» и как отдельную общественно-политическую проблему, имеющую объективные исторические основания. Другими словами «черкесский вопрос» включает в себя компоненты, имеющие собственную историю формирования и логику развития. Разрешение этих проблем, в частности вопросов национально-государственного строительства, может проходить самостоятельно как давно назревшая необходимость. Наибольшую опасность на наш взгляд таит в себе именно маргинализация, описанных выше противоречий. Это приводит к консервации межэтнических проблем и подпитывает конфликтогенный потенциал региона.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПР, проект «Геополитические трансформации в Каспийско-Черноморском регионе: инструменты поддержания нестабильности» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № I.13 «Пространственное развитие России в веке: природа. Общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», номер проекта АААА-А15-115102010113-6, 0256-2015-0083.

Литература

1. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миротемной перспективе. М., 2010. 560 с.
2. Жанситов О.А. После геноцида: перспективы реабилитации этноса // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик: «Тетраграф», 2013. С. 89–101.
3. Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 84 с.

4. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: «Логос», 1992. 202 с.
5. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
6. Кочесоков Х. Я люблю свой народ, знаю, что мы пережили и хочу хоть что-то для него сделать / [Электронный ресурс] / сайт URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2656&Itemid=1 (Дата обращения: 25.06.13).
7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 855 с.
8. Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа / [Электронный ресурс] / сайт URL: <http://www.memo.ru/d/126936.html> (дата обращения: 15.10.2016).
9. ПМА. Интервью с Н.
10. ПМА. Интервью с А.Н. Таковой.
11. ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым.
12. Хафицэ М.М. История необратима // Кабардино-Балкарская правда. 2014. № 94–95. С. 2.
13. Хлынина Т.П. Шапсугская проблема в зеркале экспертного мнения // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия / Под ред. Т.П. Хлыниной. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 103–151.
14. «Черкесский вопрос»: национальное движение в современной России. Личный архив автора.
15. Цветков О.М. «Черкесский вопрос»: этноидеологические вызовы гражданскому единству // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН / Отв. редактор В.В. Черноус. Вып. 69. М. Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 74–92.

References

1. Derlug'jan G.M. Adept Burd'e na Kavkaze. Jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspective [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for a biography in world-system perspective]. М., 2010. 560 p. [in Russian]
2. Zhansitov O.A. Posle genocida: perspektivy reabilitacii jetnosa [After the genocide: perspectives of rehabilitation of the ethnic group] // Cherkesskij vopros: opyt, problemy, perspektivy nauchnogo osmyslenija. Materialy kruglogo stola. Nal'chik: «Tetragraf», 2013. P. 89–101. [in Russian]
3. Kazharov V.H. Istoriografija i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v. [Historiography and historical consciousness of the Kabardians in the second half of XX – beginning of XXI century] Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2012. 84 p. [in Russian]
4. Kasumov A.H., Kasumov H.A. Genocid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke [The genocide of the Circassians. From the history of the struggle of the Circassians for independence in the nineteenth century]. Nal'chik: «Logos», 1992. 202 p. [in Russian]
5. Keduri Je. Nacionalizm. SPb.: Aletejja, 2010. – 136 p. [in Russian]
6. Kochesokov H. Ja ljublju svoj narod, znaju, chto my perezhili i hochu hot' chto-to dlja nego sdelat' [I love my people, know what we experienced and want something to do for him] / [Electronic resource] URL:http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2656&Itemid=1 (date of the address: 25.06.13). [in Russian]
7. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939. [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939] М.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2011. 855 p. [in Russian]
8. Obrashhenie prezidenta Rossijskoj Federacii B. N. El'cina k narodam Kavkaza [Message from the President of the Russian Federation B. N. Yeltsin to the peoples of the Caucasus] / [Electronic resource] / URL: <http://www.memo.ru/d/126936.html> (date of the address: 15.10.2016). [in Russian]
9. PMA. Interv'ju s N [Field materials of the author. Interview with N].

10. PMA. Interv'ju s A.N. Takovoj [Field materials of the author. Interview with A.N. Takova].
11. PMA. Interv'ju s R.G. Oshroevym [Field materials of the author. Interview with R.G. Oshroev].
12. Haficje M.M. Istorija neobratima [History irreversible] // Kabardino-Balkarskaja pravda. 2014. № 94–95. P. 2. [in Russian]
13. Hlynina T.P. Shapsugskaja problema v zerkale jekspertnogo mnenija [Shapsug problem in the mirror of expert opinion] // Nacii i gosudarstvo na Severnom Kavkaze: problemy vzaimodejstvija / Pod red. T.P. Hlyninoj. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. P. 103–151. [in Russian]
14. «Cherkesskij vopros»: nacional'noe dvizhenie v sovremennoj Rossii. Lichnyj arhiv avtora [The "Circassian question": the national movement in modern Russia. The personal archive of the author]. [in Russian]
15. Cvetkov O.M. «Cherkesskij vopros»: etnoideologicheskie vyzovy grazhdanskomu edinstvu [The "Circassian question": etnoideological challenges to civil unity] // Juzhnorossijskoe obozrenie Centra sistemnyh regional'nyh issledovanij i prognozirovaniya IPPK JuFU i ISPI RAN / Otv. redaktor V.V. Chernous. Vyp. 69. M. Rostov n/D.: Social'no-gumanitarnye znanija, 2011. P. 74–92. [in Russian]

УДК 93/94

«Черкесский вопрос»: прошлое в настоящем

Амиран Тариелович Урушадзе ^a

^a Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Южный федеральный университет, Российская Федерация
E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс различных общественно-политических проблем Северного Кавказа, объединяемых номинацией «черкесский вопрос». Показано, что различные элементы «черкесского вопроса» имеют объективно-историческую обусловленность. Статья подготовлена на основе серии экспертных интервью, проведенных автором в Кабардино-Балкарии в течение 2012–2014 гг. Дискуссии вокруг «черкесского вопроса» затрагивают фундаментальные проблемы национально-государственного строительства и административно-территориального реформирования всего, а не только адыгоязычного Северного Кавказа. Концепции создания единой Черкесской Республики можно рассматривать и как часть «черкесского вопроса» и как отдельную общественно-политическую проблему, имеющую объективные исторические основания. Другими словами «черкесский вопрос» включает в себя компоненты, имеющие собственную историю формирования и логику развития. Разрешение этих проблем, в частности вопросов национально-государственного строительства, может проходить самостоятельно как давно назревшая необходимость. Наибольшую опасность таит в себе именно маргинализация многочисленных противоречий. Это приводит к консервации межэтнических проблем и подпитывает конфликтотенциал региона.

Ключевые слова: «Черкесский вопрос», национальное строительство на Северном Кавказе, историческая память, Кавказская война.